

Герастовский Пётр Афанасьевич

Автоматчики вводились в бой последними

Родился я 24 мая 1922 года в поселке Покровском, Темирского района, Актюбинской области, Казахстан. Вера – христианство (православие), национальность – украинец, партийность – комсомолец, беспартийный. Папа и мама мои родом из Молдавии. Их привезли в Казахстан в возрасте 10 лет. Жили вместе с бабушкой и дедушкой по отцовской линии в северном районе Казахстана. Занимались крестьянством. Отец воевал в Красной Армии. В 30-м году деда признали кулаком. Все отобрали и ему с бабушкой сказали – идите, куда хотите. Отец, по настоянию матери, чтобы не вступать в колхоз, уехал в г. Чимкент к сестре и собирался увезти нас, но заболел и умер в том же 30-м году. Когда я учился во втором-третьем классе, мы все же вступили в колхоз. В пятом классе поступил учиться в Темировскую среднюю школу. Там учился до 40-го года.

Это было время перелета Чкалова через Северный полюс. Все мечтали стать летчиками. Я хотел поступить в училище Военно-морской авиации им. Леваневского в г. Николаеве, но не приняли по состоянию здоровья. Осенью призвали в армию. Привезли нас под Брест в 212-й Стрелковый полк 49-й Краснознаменной Стрелковой дивизии. Командующий дивизией – Коваленко. Весь офицерский состав и младшие командиры – участники войны в Финляндии и освобождения Западной Бело-

руссии. В основном мы строили оборонительные сооружения на правом берегу Буга. Жили в землянках. Желающим предложили поступать в военные училища. Я поступил в Алсуфьевскую Военно-Авиационную школу стрелков-бомбардиров.

Школа наша находилась между Брянском и Рославлем. Занятия начались 1 января 1941 года. Изучались аэронавигация, бомбометание, воздушная стрельба и радиосвязь. С апреля к нам на аэродром садились самолеты и по утрам улетали на запад. Становилось тревожно. Помню воскресенье 22 июня 1941 года. Шел теплый дождик. В 12 часов объявили тревогу. “Пронырливые” курсанты уже говорили о начале войны. На построении слушали выступление Молотова. До 29 июня не было перемен. Утром же этого дня во время завтрака столовая закачалась – немецкие самолеты бомбили летное поле. Тогда погибло 30 человек. Бомбежки были еще несколько раз, но потерь больше не было, т.к. были созданы укрытия. Готовились к эвакуации. Встречали летчиков, еще недавно перелетавших через наш аэродром к границе. Они рассказывали, что все самолеты погибли, причем, даже не взлетев (не было ни бензина, ни боеприпасов). Эвакуировали нас в Тюмень. А там местные самолеты садятся на воду, т.е. место для полетов было неподходящим. Переэвакуировали нас в Славгород – Алтайский Край. Доучились – был уже январь 1942 года. Нас собрал начальник школы – полковник Юков, начальник штаба Бесчастных. Говорят самолетов нет, продолжаем учебу. 18 августа 1942 года бригадный комиссар из СибВО привез приказ ВГ о переобучении на наземных командиров.

Передислоцировали нас в г. Омск, во 2-е Омское пехотное училище имени Фрунзе со сроком обучения 3 месяца. С первого ноября занятия прекратились и до шестого ноября мы на практике изучали сооружение ротного района обороны.

Шестого же ноября в 6 утра прозвучала тревога. Под звуки военного оркестра шли на вокзал. Сели в эшелон и поехали на фронт. Перед отъездом нам дали сухой паек. Ехали мы очень быстро, почти без остановок, в товарном вагоне с 2-х этажными нарами. Так мы добрались до Куйбышева. Оттуда ехали дальше, но уже медленнее. На станции Ртищево Саратовской области проходило переформирование 1-й Гвардейской армии, в которую входила 38-й Гвардейская Краснознаменная Стрелковая дивизия, созданная на основе 4-го Воздушно-десантного корпу-

са. Командовал генерал Жадов.

Если брать наше классное отделение, то примерно половина его попало в первую роту автоматчиков старшего лейтенанта Колосова 312-го Гвардейского стрелкового полка (командир Карнаухов). Другие же попали в 3-й батальон 312-го стрелкового полка. Это то, что мне известно. В отделении примерно 2 человека было из воевавших, 2-3 человека из Алсуфьевской школы и 2 из какого-то Тульского училища. Если же смотреть со стороны, то первая автоматная рота сильно отличалась от второй автоматной роты (в Сибири и кормили сытнее, нежели в Туле, да и возрастом мы были на пару лет постарше). Командиры взводов были не офицеры. Помнится, числа 19 ноября нас погрузили в эшелон и довезли до Филоново. Оттуда мы пешком добирались до переднего края (Замостья в районе Богучара). Наши стрелковые роты сменили роты дивизии, стоявшей там в обороне. Разместились в окопах на левом берегу Дона. На дворе – декабрь, холодно. А автоматные роты разместились в каком-то селе. Жители были эвакуированы. Наш первый взвод помещался в одной комнате дома, во второй помещался командир автоматной роты, политрук роты. Было голодно. Тылы дивизии размещались в Филоново. Автотранспорта почти не было, а на лошадях много не увезешь. Посредине села была церковь, где находился склад пшеницы. В первую же ночь (народ-то “пронырливый”) обнаружили эту пшеницу, потом таскали ее, варили в котелках. Жили почти как в вагоне.

16 декабря пошли в наступление. Автоматные роты не прорывали первую линию обороны. Там действовали стрелковые роты, автоматчики вводились в бой последними. Из деревни мы вышли еще ночью, было еще темно. Фактически на передний край пришли затемно.

Причем самое интересное, что снаряды пробивают лед, а рядом можно спокойно идти по льду - не проваливаясь. Просто за несколько дней до этого (когда лед был еще тонким) специальные саперные части посыпали лед сеном, травой, поливали водой, таким образом наращивая лед.

Получилось так, что мы попали под обстрел, и я в роте был первым раненым. Было часов 11 утра. То ли разорвался снаряд, может была мина, осколок попал под правый глаз. Перевязал меня санитарный инструктор роты (наш же курсант) Пospelов и говорит, поедешь, мол, домой и дал наказ, чтобы автомат и все

диски обязательно донес до санитарного поста на берегу Дона. Если не донесешь, перевязку делать не будут. Донес. Сделали мне перевязку. Сказали идти в какую-то деревню, где лежало много раненых. Погрузили в машину и привезли в Калач-Воронежский, там погрузили в эшелон и привезли в Тамбов, где был госпиталь ЭГ-1981. В госпитале два отделения – “ухо-горло-нос” и “глазное”. Меня лечил начальник госпиталя майор Ростовцев. Пролежал до марта 1943 года. Я там был “самый счастливый раненый”, т.к. глаз мой был цел, а были абсолютно незрячие, без одного глаза.

После госпиталя отправили на военно-врачебную комиссию. Есть такая статья - 98В-Г-1 – годен к нестроевой службе в тылу. Слово же “тыл” понимается по-разному. Он может быть вне фронта и на фронте. В одной книге говорится, для того, кто находится на переднем крае, место, где находится командир роты – уже тыл. Попал я в госпиталь. Санитаром. Он относился к 40-й армии. Командующий – Москаленко. Размещался на южном скате Курской дуги в районе Обояни. В это время, говорят, вышел приказ, авиаторов вернуть в авиационные части. Со мной разговаривать на эту тему не стали, сказав, что летать не годен. Госпиталь ППГ-635. Причем госпиталь был не для раненых. Терапевтический. Тиф, другие инфекционные болезни.

Есть такие камеры – перевозятся на телеге, метра 2 в высоту, оборудована печкой. Предназначена для обработки вещей – “вошебойка”. Однажды сгорела камера. Или изнасилась, или что-то я неосторожно сделал. Направили на Пересыльный пункт (ПП) отдела комплектования войск 40-й армии. Начальник отдела – полковник Сигульев. Начальник ПП – капитан Кох. Здесь мне предложили остаться на ПП, т.е. вводить пополнение на передний край.

В отделе комплектования личного состава есть пересыльный пункт и запасной полк. Из запасного полка вводят крупные формирования: роты и т.д. На ПП поступают люди из полевых госпиталей – легко раненые. Когда набирается человек 10-15, дают группу, и я должен был отвести их на фронт. Как правило, приходишь в дивизию и сдаешь документы на людей. Оттуда в полк, из полка в батальон, а может даже и в роту. ПП движется вслед за армией. Так я водил пополнения на фронт на Курскую дугу, затем через Белгород, Харьков, Киев, Белую Церковь, Винницу, Каменец-Подольский, Брычаны, Липканы (это уже

Молдавия). И тут уже граница с Румынией. Это уже апрель 1944 г.

Задачей ПП было вводить бывших раненых на передний край, а когда начали освобождать Украину, там было много солдат и мужчин, годных к военной службе (скрывавшихся от немцев и подросших). ПП проводил их мобилизацию.

Когда дошли до границы, ПП был ликвидирован. А я вместе с другими попал в 240-ю Стрелковую дивизию Тараса Уманского, полк майора Богданова, 9 роту 3-го батальона, которым командовал старший лейтенант Кочерга П.Е. Мы находились в предгорье Карпат недалеко от Ботошан и Кымпулунга. Сплошного фронта не было. За местом дислокации начинались горы. Нейтральная полоса была 5 километров или больше. Внизу речушка, потом перевал пустой, а немцы располагались на следующем за ним перевале. Через день ходили в “боевое охранение” (располагается впереди переднего края - может быть в 200-300 метрах, там вырываются окопы. Все это создается для того, чтобы раньше предупредить о появлении противника).

Здесь переформировали дивизию в горно-стрелковую. В горно-стрелковой дивизии очень увеличивается численность разведки, где-то до 1/3 ее состава. Спросили, кто хочет добровольно в разведку. Я вызвался. Наш 3-й взвод 9-й роты был как раз разведывательным. Прослужил здесь месяца 3. Почти каждый день (редко через день) ходили в разведку по нейтральной полосе. Необходимо было знать расположение немцев. Давался наказ: “Возвращаться всем – живыми или мертвыми – неважно. Если теряется хотя бы один, то лучше не возвращаться всем”. Часто зам. командира полка по оперативной части майор Орлянский ходил с нами. Только один раз вместе с нами ходил и его взвод полковой разведки, а все остальное время мы ходили одни.

Был апрель-май 1944 года. Как раз все расцвело. В лесу, как сейчас говорят в Чечне – “зеленка”. Разведчики ходят парами. Один идет впереди и смотрит только вперед, а тот, кто сзади – по бокам. Однажды майор Орлянский подходит и говорит: “Сегодня пойдешь со мной”. Самое интересное, не спросив ни моего имени, ни фамилии. Но я ему до сих пор благодарен, что он выбрал именно меня. С этого времени я начал ходить с ним в паре. Когда идем домой, наши возвращаются в наш батальон, а мы вдвоем в расположение штаба полка. Обычно он давал мне

письмо, пароль и я возвращался к себе в роту. Были стычки, бои с немцами местного значения. Постепенно оборона становилась сплошной, строились минные поля с обеих сторон. Хотя до самого нашего наступления сплошного фронта так и не было, особенно у немцев.

Вспоминаю, как-то раз прошли нашу линию обороны, забрались на какую-то сопку, бродили целый день. Домой я, как всегда, шел с майором, а наши возвращались к себе в роту. Иду к себе в роту, а там меня ищут. Оказывается, у нас человек 10 ранены. Мы ушли, саперы заминировали, а утром нам ничего не сказали о том, что будут минировать. Минировали “подпрыгивающими” минами.

Еще раз, когда майор с нами не ходил, я вынес с боя на нейтральной полосе Саливона Ивана из Ахтырки. Шла борьба за “нейтральный” перевал. Немцы начали выдвигаться на его сопки, устраивали наблюдательные пункты и постреливали иногда (наши-то тылы им хорошо видны). Мы слышим, разговаривают, окружаем верхушку. В горах важно, чтобы не было разговоров. Треск сучьев замечательно слышен. Нужно передвигаться очень осторожно. Получилось так, что нас там обнаружили, началась перестрелка. Если начался обстрел, то задача - оторваться от противника. Получается: кто первый увидел, тот и победил. Мы начали уходить. Ивану попала разрывная пуля где-то в пятку. Первым его взялся тащить ординарец командира роты Иванченко, потом передал его мне. Немцы стреляют, а он кричит: “Больно, давай отдохнем”. Нес его километра два. Притащил его в расположение части. Еще несколько человек были ранены.

Однажды, когда мы помогали освободить высоту, занятую накануне немцам, начался обстрел: то ли артиллерийский, то ли минометный, шут его знает. Меня ранило в ухо. Подбежала сестра, перевязала. Утром в санчасти полка на перевязке спросили, почему я здесь – “Потому, что на фронте бывают такие моменты, когда нужны все, кто может стоять, может держать в руках винтовку”. Написали мне направление в медсанбат. Оттуда - на военно-врачебную комиссию. Опять та же статья – годен к нестроевой службе в тылу. Поехал в 167-й запасной полк 40-й армии. А туда приезжают из воинских частей набирать. Мы их называли “покупателями”. На 2-й или 3-й день приехал капитан в пограничной форме и ищет людей, удовлетворяющих следующим требованиям: не было осужденных среди родителей,

не был в окружении и плену, не жил на оккупированных территориях. Таких нашлось всего двое: я и еще один парень. Капитан говорит: «Поедем в приемный пункт военнопленных (ППВ) НКВД 40-й армии - не пожалеете». Поехали. Был уже июль 1944 года. Начальник этого пункта – капитан Давыдов. Я там занимался тем, что переписывал военнопленных. Нужно было спрашивать (с каким-то знанием моего школьного немецкого) год рождения, место рождения, в каких частях воевал, чем занимался... На ППВ был один еврей - Чернобров. Говорят, что иврит и немецкий очень похожи. Когда я не мог что-то спросить, звали его, и он мне помогал.

Путь лежал таким образом: Ботошаны, потом Кымпулунг. Здесь 40-я армия разделилась на две части: один корпус перешел через Карпаты и вышел на Банска-Быстрицу, другие два обогнули горы с юга. Соединились в районе Дебрецена (Венгрия). Направление в начале было на Будапешт, потом повернули на север и вышли на Мишкольц (Чехословакия), далее опять на запад и дошли до Брно (Чехословакия). Был май 1945 года. На этом кончилась война.

Награды не сохранились. Из тех документов что есть – “Медаль за боевые заслуги” (вручена после войны), “Медаль за победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945” – вручена 8 апреля 1945 года капитаном Петрухиным, “Медаль за участие в героической обороне Сталинграда” от имени Президиума Верховного Совета СССР. Получил 27 марта 1990 года орден Отечественной войны I степени от 11 марта 1985 года.

Домой возвращался в эшелоне. Когда кончилась война, сначала съездил с группой в Вену, отвезли какие-то документы через Братиславу. После возвращения из Вены началась процедура демобилизации. Возвращался через Братиславу, Винницу, Киев, Куйбышев, Оренбург, Актюбинск. В первое время после демобилизации оказалось, что нужно искать место в жизни. Поступил учиться в Алма-Атинский электро-техникум связи по специальности радиоприемные устройства на 3-й курс. Получил диплом техника радиоприемных устройств с отличием, поэтому место работы выбирал сам. Поехал в с. Дурмень на Приемный Радиоцентр № 1 Ташкентской дирекции радиосвязи. Там же поступил в филиал ВЗЭИ (Всесоюзный Заочный Энергетический Институт). Сдав все нерадиотехнические предметы, пере-

ехал в пос. Романцево Московской области, где, продолжая учиться, устроился на работу в приемный радиоузел №1. В 1954 году окончил ВЗЭИ. Поступил в аспирантуру. В 1961 году ВЗЭИ переименовали в МИРЭА. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал “Курс радиоприемных устройств” и занимался научно-исследовательской деятельностью по договорам с ОНИИП’ом и МНИИРС’ом. Работал на ВПК и Правительственную связь. В 1992 году ушел на пенсию.

Мой младший брат, Герастовский Федор Афанасьевич, в 1942 году окончил второе Московское авиационно-техническое училище, эвакуированное в Абдулино (Башкирия). Воевал в истребительном полку, аэродромы которого неоднократно бомбились. Прошел “путь” от Москвы (Ватутенки) до Берлина. В одной из таких бомбежек был контужен. После войны окончил Горьковское военно-политическое училище (для танковых и артиллерийских частей), служил в Германии. Оттуда поступил учиться в Военную краснознаменную инженерную академию связи (ВКИАС) в г. Ленинграде. Служил в частях наземного командно-измерительного комплекса, обеспечивающих управление полетом космических аппаратов, начиная с первого искусственного спутника Земли. В Военной инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского защитил кандидатскую диссертацию. К сожалению, после неудачного полета космонавта В. Комарова, брат в 1971 г. трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Публикации обо мне:

Куприянов Н.В. “С верой в победу”. Военно-исторический очерк. ГМРИП “Левша”, Тула, 1993 год, 288 страниц.

Ноябрь 2002 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Герастовский Алексей Вячеславович**, студент 3-го курса Московского авиационного института (Технического университета)